

ШАВА 1

Солнце жгло макушку с такой силой, что, казалось, волосы слегка потрескивают. И кожа головы — еще минута-другая — начнет лопаться и дымиться. И ее зальет кровью. И люди, проходящие мимо, станут от нее шарахаться, показывать пальцем или просто снимать на мобильник, чтобы выложить в сеть. Некоторым ведь кажется забавным истекающий кровью человек. Некоторым уродам, да...

Надо было отойти в тень. Всего шаг сделать влево. Там росло огромное дерево, тоже, как и она, уставшее от зноя и пыли, но все же отбрасывающее благодатную тень. Она поискала глазами вокруг себя на асфальте. Странно, но от нее уже и тени не было. Она превратилась в нечто, не способное помочь кому-нибудь в зной или мороз. Рядом с ней было либо очень холодно, либо невыносимо жарко.

— Ты не создана для счастья, милая, — со странным сожалением произнес перед расставанием ее бывший муж. — Прими это как данность и не мучайся. И не мучай других. Прекрати уже регулярно ходить замуж!

Галина РОМАНОВА

Муж, к слову, был уже третий, поэтому к его словам она не особенно прислушивалась. Породу мужчин, достающихся ей в мужья, то ли по странному стечению обстоятельств, то ли по чьему-то проклятию, она хорошо изучила. Поэтому особенно не расстраивалась. То есть не принимала все их обидные реплики в ее адрес на свой счет. И плохой она уж точно не была. Стали бы ее держать в органах, продвигать по служебной лестнице, да еще и награждать.

— Я такая, какая есть, — ответила она ему спокойно, невозмутимо наблюдая за его сборами. — Ты знал, какая я. Чего сейчас? Почему именно сейчас?

— Я сожалею, — грустно изрек бывший третий. — Я хотел семью. Настоящую семью. Детей. Своих собственных. С моими генами, похожих на нас глазами и ушами. А ты...

А она, стоя сейчас на солнцепеке, держала в руках медицинское заключение, гласившее, что у нее какая-то странная несовместимость с ее бывшим третьим. Несовместимость расписывалась терминами, в которых она ну вот ничего вообще не понимала.

Если честно, то она надеялась на чудо. И анализ этот дорогостоящий сдала, когда у них начались всякие скотские свистопляски с его отсутствием ночью дома, потому что он решил до утра остаться в офисе, вызовами в выходные дни на работу, с повернутой к ней спиной в постели, потому что он страшно устал. В темечко ударило: начинается. И она помчалась в этот медицинский центр. Биоматериал мужа не понадобился. Он уже сдавал анализ за несколько недель до нее, устав ждать, когда она его осчастливит дву-

• *Теория вероятного чуда* •

мя полосками на тесте на беременность. С ним оказалось все хорошо. Значит, причина была в ней. Она и решилась...

Анализ делали бесконечно долго. Потом она о нем забыла. Потом вдруг вспомнила. Стало интересно. Вдруг они рано разбежались? Вдруг у них еще получился бы ребенок с его ушами и ее глазами?

И сегодня с утра она поехала в медицинский центр и получила результат, когда ее третьего мужа уже и след простыл. Они уже два месяца как разъехались. И месяц как не состояли в официальном браке.

— Приговор окончательный и обжалованию не подлежит, — отозвалась она ворчливо на телефонный звонок Палыча — ее коллеги и старого друга. — У нас какая-то странная несовместимость.

— Какая? — фыркнул Палыч недоверчиво. — Чего это такое вообще?

— Простыми словами: моя яйцеклетка не хочет его сперматозоидов. Или наоборот.

— А может, это ты его не хочешь, Панина? А на яйцеклетку все сваливаешь?

В телефоне раздался скрежет, непременно показавшийся бы постороннему человеку странным. Но она точно знала: Палыч чешет щеку, заросшую за выходные густой седой щетиной. Он никогда по выходным не брился. Ныл, что и в будни бы не взял в руки бритву, если бы не устав.

— Фигня это все, Палыч. Врут они. Я, наверное, просто бесплодна. Третий муж, а картина маслом одна.

— Так у тебя и мужья-то как близнецы с той картины маслом, Панина, — хохотнул он и снова по-

шкрябал жесткую щетину. — Все какие-то тоненькие, стройненькие, пиджачки в обтяжечку, стрижка за пять тысяч, маникюр с педикюром по пятницам. Ну что это такое? Разве это мужики?

— Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей, Пушкин Александр Сергеевич утверждал. Давай не станем с ним спорить, Палыч?

Она досадливо поморщилась, тут же привычно пожалев, что излишне откровенна с коллегой. Тот не щадил ее никогда. И всех ее мужей не щадил тоже, а он их знал и критиковал при каждом удобном случае. А когда она с ними расставалась, удовлетворенно улыбался. И непременно добавлял:

— А я тебе говорил!..

— Что там про твоё бесплодие доктора говорят? — вернул ее к реальности озадаченный голос Палыча.

— Ничего. Говорят, что здорова.

Она подумала, говорить ли дальше? Не вызовет ли ее новость у Палыча очередных замечаний, но все же не выдержала и произнесла:

— Но советуют не затягивать с этим. Часики тикают, и все такое...

— Во-от, Панина. Верь им, — миролюбиво изрек Палыч, кажется, улыбаясь. И добавил: — И не затягивай. Согласен с твоими докторами: время быстро течет. А ты куда сейчас?

Она вообще-то никуда не собиралась. Если бы у нее на руках было положительное решение проблемы ее неудавшегося третьего брака, она бы, возможно, позвонила бывшему. Может, проямлила бы что-нибудь в духе: давай попробуем еще раз.

• *Теория вероятного чуда* •

Но на руках у нее был приговор. Их брак не просто расторгнут, он похоронен под бетонной плитой. И поэтому делать дома ей было абсолютно нечего. Потому что некого было тащить в койку.

— Я не знаю, Палыч. — призналась она честно после недолгих размышлений. — Жара на улице. Домой тоже не хочу.

— Дуй ко мне, за город. В саду благодать. Пожарим чего-нибудь. Я рыбы вчера наловил.

Она поморщилась. Рыбу, которую ловил в озере Палыч, она не просто не любила, она не умела ее есть. И вся мякоть, что имелась на мелких противных косточках, так на них и оставалась. Палыч злился на нее, учил, как надо обращаться с его деликатесом, но у нее ничего не выходило.

— Не хочешь рыбы, пожарим мяса, — тут же заполнил он повисшую паузу миролюбивым голосом старого добряка. — Я вчера купил таких свиных ребрышек...

Она закатила глаза. Свиные ребрышки были чуть лучше прудовой рыбы. Особенно те, которые где-то ухитрялся добывать Палыч. На костях, напоминающих музыкальный инструмент далеких горцев, кроме жира не было ничего.

— Спасибо, Палыч, но, пожалуй, я поеду домой. Времени уже не остается на шашлык с учетом дороги, — принялась она тут же оправдываться.

— Панина, так бы и сказала, что ни моя рыба, ни свиные ребрышки тебя не прельщают. Вот начинаешь крутиться, — совсем без обиды проговорил он. — Ладно, поезжай домой. Но только обещаю тебе не тосковать, идет?

— А с какой это стати мне тосковать, Палыч? — она даже рассмеялась. — Диагноз вынесен не мне, а моему браку.

— Это я так, на всякий случай. И да, Панина, постарайся не влезать ни в какие приключения по дороге домой.

— В смы-ысле? — протянула она с наигранным удивлением.

— В том самом, что не бросайся по дороге домой задерживать преступников, случайно подвернувшихся тебе, не очутись в числе заложников или свидетелей правонарушений, одним словом, прекращай спасать мир в свободное от работы время. Чтобы мне не пришлось спасать тебя в мой личный выходной...

Рассмеявшись, они простились.

Опустив солнцезащитный козырек в машине, она уставилась на свое отражение в маленьком зеркале с подсветкой.

— Ну что, Дарья Дмитриевна, едешь домой? Или пообедаешь?

Она могла сколько угодно обманывать себя и своего старого друга Палыча. От содержания той бумаги, что лежала сейчас в ее сумочке, ей было совсем не весело. Так же не бывает, чтобы какая-то там несовместимость мешала ей завести ребенка сразу от трех мужчин. Не одновременно, конечно. А по очереди, но все же! Так же не бывает, чтобы три ее бывших мужа были с ней несовместимы по каким-то там медицинским показателям, выговорить которые страшно сложно. И даже сложно прочитать. Может, с ней в самом деле что-то не так? Она чем-то больна, а от нее это просто скрывают?

• *Теория вероятного чуда* •

Вдруг вспомнились слова пожилой акушерки одного из медицинских центров, куда она бегала, будучи во втором браке.

— Просто ваше время еще не пришло, милая, — ласково улыбаясь, пыталась она ее утешить. — Рождение человека — это Божий промысел. Только ему решать, когда, от кого и кто это будет.

Даша тогда возмущенно отозвалась, наговорив ей много чего и про прогрессивные методы лечения, и про возможность запрограммировать пол будущего ребенка, и про странности подобного рассуждения, услышанные ею из уст медицинского работника. На что, снова ласково улыбнувшись, старая акушерка ответила:

— Я десять лет лечилась, таскала на обследования своего бедного мужа. Оба здоровы, а детей нет!

— И? — уставилась тогда на нее Даша злыми глазами. — Детей у вас так и нет?

— Есть. Трое. Но не от мужа. Он ушел, не дождав-шись наследников.

— И кто же стал отцом ваших детей? — чуть сбавила она обороты, просто стало интересно.

— Жил в соседней квартире один холостой парень... — рассмеялась пожилая акушерка.

У Даши по соседству холостых парней точно не имелось. На ее лестничной площадке все люди были семейными, обстоятельными, и все с детками. Выше и ниже жили девушки-студентки, пенсионеры, снова семейные пары. И ни одного, даже самого заухудалого холостого парня, способного польститься на ее пятьдесят килограммов при росте метр семьде-

сят пять и возрасте — тридцать пять лет. Ни одного вообще!

Даша подъехала к первому попавшемуся на пути кафе. Ей вдруг захотелось супа. Она вообще всем на свете блюдам предпочитала супы. Лучше овощные. Еще лучше — пюрированные. Проглотил за мгновение — и сыт. И жевать не надо.

— Это от недостатка времени, Палыч, — пыталась она оправдать перед коллегой свои вкусовые пристрастия. — Обедаем на бегу. Разве нет?

Сейчас ей предоставлялась прекрасная возможность не торопиться.

В кафе, которое случайно попало ей на пути, народу было немного. Выходной день. Жара. Горожане устремились на природу. В городе оставались, как она считала, такие же, как и она, — неприкаянные. В кафе неприкаянных, без нее, насчиталось восемь человек. Две пожилые пары в дальних, противоположных углах. Одна девушка за столиком у окна ожидала заказа, не отрывая взгляда от телефона. И трое шумных молодых людей почти у самого входа.

Вот почему ей захотелось сесть за столик, диванчик перед которым соприкасался спинками с диванчиком, занятым парнями? Не за девушкой уселась. Не перед пожилыми парами. А прямо за парнями, вызывающее поведение которых, кажется, беспокоило официантов.

Даша заказала суп из брокколи с орешками и зеленый чай. Уставилась в широкое окно до пола, за которым припарковала свою машину. Осмотрела весь транспорт на стоянке перед кафе и решила, что молодым парням может принадлежать черная отече-

• *Теория вероятного чуда* •

ственная машина с непроницаемо черными стеклами. Ну не пенсионеры же на ней приехали!

— Ты урод, понимаешь, Вова? — прошипел почти над самым ее ухом встревоженный голос одного из парней. — Ты все испортил! Был классный план, а ты...

— А что я? — с вызовом отозвался, надо полагать, Вова.

— А ты все слил своей телке. Та рассказала подругам. И вот теперь, скажи, кого из вас нам надо ликвидировать?

Даша настороженно прислушивалась, прекрасно понимая, что этот разговор может как ничего не значить, так и значить очень многое.

— Пошел ты, Стас, — вяло отреагировал Вова. — Твой план изначально был фуффло. Ты ничего не продумал. Ни то, как отключить камеры. Ни путей отхода. Ни возможного вмешательства кого-то из людишек. Твой план просто детский. И вообще, хорош голосить. Нас могут услышать.

— Кто? — отозвался насмешливо Стас. — Тут почти никого нет. Телка с телефоном? Или тетка, что только что зашла? Так телка далеко сидит. А у тетки на морде написано: неудачница. Ей до нас дела нет. У нее какая-то личная трагедия...

Она подавилась первой ложкой супа, который ей принесли только что.

Она тетка? Ей тридцать пять всего, идиоты! И трагедии у нее никакой не случилось. Подумаешь, третий муж от нее ушел, от которого она не смогла забеременеть. И вообще, у нее не морда, а очень симпатичное лицо. Даже красивое, если верить отзывам

Галина РОМАНОВА

окружающих. И уж неудачницей она точно не была. Ей все удавалось. Почти все!

— В общем, Вова, дело мы свое сделаем. С тобой или без тебя, но сделаем. Не там, где планировали, конечно. Ты виноват. И телка твоя. Накажем... — он понизил голос и что-то долго втолковывал друзьям почти шепотом. — Так что, Вова, ты с нами?

— Нет, — твердо ответил Вова. — И девушку мою только посмей тронуть. Я тебя..

А дальше за ее спиной началась странная возня, сдавленные ругательства. Со стороны барной стойки послышались предостерегающие возгласы. Даша отложила ложку, отодвинула тарелку с недоеденным супом. Проговорила едва слышно:

— Палыч, ты накаркал!

И встала с места.

ШАБА 2

— Я вообще не понимаю, за что задержан? — молодой человек со свежим синяком под левым глазом смотрел на нее дерзко и даже весело. — Вы в своем уме, товарищ полицейская? Все придумали и...

— Синяк тоже придуманный? Или, может, нарисованный?

— Мое лицо, мой синяк. Какое отношение он имеет к вам, не понимаю?

Она точно знала, что за черным стеклом сейчас стоит Палыч, смотрит на это представление и сердито пыхтит. И она даже знала, что он ей скажет, когда она выйдет из комнаты для допросов.

• *Теория вероятного чуда* •

— Опять, Панина? — глянет он с укором. — Почему тебя разжигает именно в выходной, а? Не могла подождать до понедельника? Что за блажь?

— Это не блажь. За моей спиной совершенно точно планировали ограбление.

— Ограбление чего? — устало глянет Палыч. — Ни одного факта, подтверждающего твои слова. Ни одного свидетеля. Задержанный случайно оказался в твоих руках, потому что друзья его бросили и сбежали. Задержанному предъявить нечего. Вот зачем все это было устраивать?

— Как же нечего, как же нечего, Палыч? — принялась бы она горячиться. — А скандал в общественном месте? А драка?

— А он говорит, что никто не дрался. Что он просто упал. Или я ослышался? И официанты ничего не подтвердили, потому что им не разрешено привлекать внимание клиентов такой скандальной историей. Никто не подтвердил твоих слов, понимаешь?..

Все это мог бы сказать Палыч, но не факт, что скажет. Будет просто молчать и коситься на нее с укором. Ему и говорить, по сути, ничего не надо. Она и так все знает.

Она была не права, что вмешалась. Ну, болтали друзья что-то такое. Ну, потасовка меж ними случилась. И что? Зачем непременно ей надо было бряцать доспехами и задерживать этого наглеца? Не объяснить же, что у нее сработало нечто, что ее коллегами принято называть чуйкой. Понятно, это к делу не пришьешь.

— Вас задержали по факту драки, которую вы устроили в общественном месте, гражданин Гордеев.

— Это не я. И драки никакой не было. Я упал.

— На глаз? Упали на глаз, Гордеев? — усмехнулась она, подумав с тоской, что лучше бы проехала мимо этого дурацкого кафе.

— Мое дело, как падать. Разве нет?

Он откровенно издевался.

— Я кое-что слышала из вашего разговора, — начала она осторожно, внимательно наблюдая за его реакцией. — Вы планировали ограбление. Какого банка, если не секрет? Какого из ваших друзей звали Владимир? Он рассказал о ваших планах своей девушке и вы решили ее и его за это наказать? Это явилось причиной драки?

Скуластое лицо парня застыло лишь на мгновение, потом тонкие губы снова разошлись в ядовитой ухмылке.

— О чем вы, не пойму? Какое ограбление? Кого наказать? Это вымысел. Плод вашего воображения, товарищ полицейская.

На телефон ей тут же поступило сообщение от Палыча.

«Гордеев Станислав Иванович, двадцать семь лет, холост, работает в охранной фирме, ранее не судим, не привлекался. Заканчивай представление, Панина».

Конечно, она мгновенно напряглась, узнав, что наглец работает где-то охранником. Не в банке, случайно? Не его ли собрался ограбить? Но то, что парень имеет безупречное прошлое, ее разочаровало.

— Вас отпустят, конечно же, Гордеев. Но знайте: я за вами наблюдаю, — она сделала характерный жест указательным и средним пальцами, раздвинув их буквой V. — И машина у ваших друзей приметная.

• *Теория вероятного чуда* •

— Какая машина? — он впервые прекратил глумливо скалиться, сел ровно, насторожился.

— Та сама, на которой вы все приехали в кафе, — она назвала номер и марку. — Кто за рулем был? Владимир Зотов? Его вы собрались наказать?

— Уже успели, пробили? — покивал Гордеев. — Быстро работаете. Прямо как в кино. Только, уверяю вас, все мимо...

Из отдела они с Палычем вышли в семнадцать тридцать пять. За десять минут до этого оттуда вышел Гордеев.

— Кто его забрал? — спросила она Палыча, с хмурым видом марширующего рядом.

— Такси, — ответил он коротко. — А ты думала — кто? Черная машина с черными стеклами за ним приехала? И они напрямиком отправились грабить банк?

— Палыч, не начинай. Драка была? Была.

— Где это зафиксировано, позвольте спросить? — он приложил ребро ладони за ухо, оттопырив его. — Никто из сотрудников кафе не дал показаний. И наряд, который приехал по твоему звонку, зафиксировал лежащего на полу человека. И капитана полиции Панину, которая упиралась ему коленом в спину. Даша... Дарья Дмитриевна, поезжайте уже домой, а! Завтра понедельник. Начинаются будни. Отдохни уже...

За всеми его словами, сказанными тихо, крылось раздражение. Она безошибочно его угадывала. И возразить было нечего: Палыч имел право на нее злиться. Она загубила ему выходной день. Он только костер разжег, чтобы ребрышек нажарить, как от нее поступил звонок. И теперь и угли прогорели, и ребра

дольше положенного мариновались. И пока он доберется до своего дома за городом, спать пора.

Вечно она всем все портит! Таким приблизительно был его взгляд, которым он с ней попрощался.

До дома она домчалась быстро. Поставила машину на место, которое никто не занимал на парковке из уважения к ней. Поднялась в лифте на свой восьмой этаж и, повернув к своей квартире, замерла от неожиданности. У двери ее квартиры топтался бывший третий.

— Ты что здесь делаешь? — округлила Даша глаза.

Вид у бывшего был пришибленный. Она могла бы даже подумать, что он сильно скучал по ней, измучился, извел себя воспоминаниями и угрызениями совести, и именно по этим причинам он здесь. Она могла бы так подумать, если бы плохо знала его. Но знала его она хорошо. И поэтому предположила, что бывшему третьему от нее нужна какая-то помощь. Не исключено, что материальная.

— Даша, помоги! — воскликнул он, вздрогнув от звука ее голоса, и устал на нее полные слез глаза. — Помоги, прошу тебя!

О господи! Это он от нее ушел, никто его не выгонял. Добровольно ушел! Она же ему теперь должна и раны зализывать?

— Что случилось, дорогой? — не без ехидства заинтересовалась Даша, открыла дверь в квартиру, подтолкнула бывшего в спину. — Входи, Коленка.

Тот вошел, привычно пошарил взглядом под вешалкой в поисках своих тапочек.

— Ты их забрал, не помнишь?

• *Теория вероятного чуда* •

Даша скинула балетки, босой пошла в кухню, зная, что Николай тут же последует за ней. И безошибочно угадала, что он усядется в любимый угол. Как он любил говорить: под образами. Образов никаких не было, в смысле, икон. И быть не могло. К религии Даша относилась с некоторым сомнением. Но Коленьке все равно нравилось так говорить.

Не спрашивая, она зарядила кофемашину зернами, налила сливок на дно кофейной чашки. Это был его любимый кофе: чуть сливок, много кофе и никакого сахара.

— Пей, — поставила она через минуту перед ним кофе. — Пей. Рассказывай и проваливай.

— Да, да, спасибо.

Он рассеянно глянул, потер лоб указательным пальцем, вышло очень женственно. Чуть наклонился в ее сторону и прошептал с горечью:

— Она пропала, Даша!

— Кто она?

В сердце вонзилась не то чтобы игла, так — небольшая колючка. Но уколола ощутимо. Этот говнюк что же, явился к ней с просьбой отыскать его сбежавшую невесту? Совершенно обнаглел!

— Моя девушка пропала, — не разочаровал ее Коленька и сделал три аккуратных глотка.

— То есть ты хочешь сказать: сбежала?

— Я сказал то, что хотел, дорогая, — одернул он ее и строго глянул. — Она пропала! Уже три дня ее нет. Нигде! Ни на работе, ни дома, ни у родителей.

— А где она работала? — снова кое-что заподозрила Даша. — Не под твоим ли началом?

— Что ты этим хочешь сказать! — попытался возмутиться Коленька, но тут же сник под ее насмешливым взглядом. — Ну да, да, она была моим секретарем.

— О как! — она почувствовала, как кровь начинает бурлить, вот-вот готовая броситься ей в голову и окрасить лицо пурпуром бешенства. — И давно вы так слаженно сотрудищались? В смысле, спали? Еще когда ты жил со мной?

— Ой, ну при чем тут это?! — завопил он и тут же получил легкую пощечину и захныкал. — Ты постоянно на работе. Тебя никогда не бывало дома. Я устал от одиночества при живой жене. А Ася.. Она всегда рядом.

— В смысле, под рукой? Нажал кнопку вызова. Запер дверь кабинета. И вот она уже сидит на твоём столе с широко разведенными ногами. Коля, ты идиот!

Она встала, открыла воду, сполоснула абсолютно чистый стакан. Налила себе воды из крана с фильтром и выпила залпом двести граммов. При этом она очень старалась, чтобы руки ее не тряслись.

— Почему это я идиот?

Еще три аккуратных глотка.

— Потому что пришел ко мне за помощью. Я не стану тебе помогать искать твою любовницу. С которой ты мне изменял, еще будучи моим мужем. Вообще уже охренел! — фыркнула Даша и ушла из кухни, чтобы не видеть его несчастной физиономии.

Усевшись в любимое кресло, когда-то вмещавшее их вместе, она вдруг вспомнила о медицинском заключении, вчетверо сложенном и спрятанном в су-

• *Теория вероятного чуда* •

мочке. Какая уж тут может быть совместимость ее яйцеклетки с его сперматозоидами, если он расходовал их направо и налево. Сволочь!

— Даша, прости, — осторожными шажками Коленька приблизился к креслу. — Я идиот, конечно, что явился к тебе с подобной просьбой. Но больше мне никто не поможет.

— И я не стану. — Она сунула кулаки под мышки, чтобы ненароком не пустить их в дело. — И я не стану искать твою любовницу, чтобы вернуть ее тебе.

— Ох, господи! — всплеснул он руками совершенно по-бабьи. — Да не надо мне ее возвращать! Ее надо просто найти! Живой!

— В смысле, живой?

Она подняла глаза на бывшего мужа. И вдруг заметила в нем некоторые странности. Его одежда была неряшливой, чего прежде никогда не случалось. Он давно не стригся, а прежде делал это раз в две недели. А еще он был не брит, хотя раньше каждое утро скоблил свою холеную физиономию.

— Ее надо найти живой, Даша. Потому что если ее найдут мертвой, то непременно обвинят в этом меня! — с легким повизгиванием возмутился Коленька.

— Почему? — прищурилась она. — Вы публично подрались?

— Нет, но... Но она требовала, чтобы я на ней женился. А я не собирался на ней жениться. Никогда не собирался. Я вообще не планировал это делать в ближайшие годы. Мне хватило брака с тобой за глаза. А Ася все настаивала и настаивала, и я...

— И ты ее убил?

Галина РОМАНОВА

С чего-то ей стало холодно до такой степени, что позвоночник оцетинился мурашками.

— Я ее не убивал. — Он уселся на подлокотник кресла, в котором она ежилась от холода, уперся лбом в ее макушку и прошептал со странной болью: — Но я последний, кто видел ее живой.

ШАВА 3

Место, которое они выбрали для разговора, было скрыто от посторонних глаз. Над крохотным тупиком автомобильной парковки свисали шатром ветки ивы. Мало кто решился бы сюда заехать из опасения поцарапать крышу машины. Они заехали.

— Ты не должна и не обязана этого делать.

Палыч смотрел на нее строже строгого. Взгляд не то что не одобрял, он запрещал ей ввязываться в это дело. Она рисковала подставиться до такой степени, что увольнение было самым безобидным, что могло с ней случиться.

— Ты вообще не можешь быть уверена, что это не подстава с его стороны, — пробубнил Палыч, отвернувшись от нее к отпотевшему стеклу собственного автомобиля.

— Палыч, чего стекло потеет? — нахмурила Даша лоб. — Пил, что ли, вчера?

— Да, выпил, и что? — отозвался он с вызовом. — С твоими темами не нажраться — святым быть! Что ни день, то история. То рядового обывателя в отдел притащишь для допроса с пристрастием. Хорошо,

• *Теория вероятного чуда* •

что он жалобу не накатал, а то ментовской беспредел тебе бы грозил как нечего делать!

— Он потому и не написал жалобу, что у него рыло в пуху, — глянула она исподлобья. — И я не уверена, что в скором времени что-нибудь такое не произойдет. Чую, что еще увижусь с этим парнем. Всеми своими местами чую. И на всякий случай данные по машине этих гопников сохранила в столе.

— Ну... — Палыч завозился на водительском сиденье, протянул руку и добавил оборотов кондиционеру. — Сохранила и сохранила. За это тебе по макушке никто не даст. А вот что касается частного расследования по просьбе твоего бывшего, тут я категорически против.

Вот никогда ей не надо ничего запрещать! Никогда и никому! Она же назло всему будет действовать. Вопреки всем запретам и предостережениям. И не потому, что упряма до глупости, нет. Просто очень не любит вмешательства в собственные действия. Она решила — значит, все! Этим она пошла в своих родителей, обладающих упрямством и ухитрившихся прожить в совместном браке почти сорок лет.

— Вся в папу с мамой, — словно прочитал ее мысли Палыч. — Просто копия! По половинке в тебе и от одного, и от другого! Где они хоть сейчас, старики твои?

Ее старики улетели в теплые страны еще четыре года назад. Полетели на отдых и решили остаться. Больно им понравилась островная жизнь под пальмами.

— Все там же.

— А чем занимаются?

— Тем же: мама печет пироги, пирожные, делает прекрасные торты, отец продает. Бизнес процветает.

Она погасила улыбку. Если честно, то она своими родителями страшно гордилась. И когда бабушка ворчала и называла свою дочь — Дашину мать — глупой аборигенкой, то всегда вставала на ее защиту.

— Может, ты бы взяла отпуск, Панина? И улете-ла к ним на отдых? — задрал Палыч брови, с надеж-дой глянув на нее. — Отдохнула бы. Глядишь, за это время и любовница твоего Коленьки отыскалась бы. И тебе не пришлось бы совать голову в петлю ради него.

Если честно, то подставляться она не собиралась. Тем более из-за козла, который изменял ей со сво-ей секретаршей. Ей просто стало интересно: с кем же он так виртуозно обманывал ее? Что за девушка? Куда вдруг подевалась? И почему ее родители сразу же обвинили в ее исчезновении Николая? Неужели она — Даша Панина, капитан полиции с великоле-пной раскрываемостью тяжких преступлений — про-смотрела в нем страшную преступную сущность? Жила с убийцей и ни разу не увидела в нем патоло-гических наклонностей?

— Этого не может быть в принципе, Палыч, — за-кончила она, проговорив все вслух. — Он бы проявил себя однозначно. А он...

— Может, это случилось по неосторожности? Мо-жет, это был несчастный случай? А он перепугался и спрятал тело, — пожал плечами старый друг. — Лад-но, начни тихонько щупать почву, но смотри у меня!

• *Теория вероятного чуда* •

Ведь могут стрелки с него на тебя перевести. Скажут, что убила соперницу из ревности!

— Вон в чем дело! — Она откинулась на спинку пассажирского кресла, растянув рот в растерянной улыбке. — Ты думаешь, что он мог нарочно ко мне прийти за помощью? Чтобы отвести от себя подозрения?

— А о чем же я еще думаю-то, Панина! — возмутился Палыч и принялся салфеткой протирать отпотевшее стекло, тут же опустил его, снова поднял. — Только об этом и думаю! Как-то уж очень стремительно он примчался к тебе за помощью. Сам накосячил, а теперь решил тебя подставить, чтобы сухим выйти из воды. Может же быть такое?

— Может, — она часто закивала и тут же сделала страшные глаза. — Но от этого ведь еще интереснее, Палыч.

Он посмотрел на нее как на тяжелобольного человека. Беззвучно выругался и следом обреченно вздохнул.

— Ладно, вижу, все мои доводы бесполезны. Если ты что-то решила...

— Так точно, товарищ подполковник, — перебила она его. — Идем уже обедать. В этом ресторанчике невозможно вкусный луковый суп. Тебе не помешает, Палыч. После вчерашнего.

Они вышли из машины. Палыч закрыл ее ключом. Все на свете сигнализации он презирал. Считал, что от угона они не спасают. Специалисты высокого уровня с любой противоуголкой справятся. А запирали машину от бомжей и подростков. Первые могли нага-

дить. Вторые вытащить все, даже то, что им не нужно было, и выбросить за ближайшим углом.

Они медленно шли ко входу в маленький ресторанчик с белой крышей и резными дверями. И молчали. Молча расселись напротив друг друга за столом, накрытым пурпурной скатертью. Сделали заказ. Палыч тут же набросился на ржаную булочку, макая ее в соль.

— Ладно, — проворчал он, когда булочка закончилась. — Действуй, только с одним условием — я страшую.

— Это как? — Даша крутила из белоснежной льняной салфетки всевозможные фигуры.

— Я с тобой, вот как! Думаешь, я позволю тебе подставиться? Мы сколько вместе работаем, Панина? Ты когда пришла в отдел? Со студенческой скамьи? Десять лет прошло!

— Не надо мне напоминать, какая я старая, — сморщила она рожицу.

— Ай, оставь ты это жеманство, — отмахнулся он со смешком. — Давай лучше поедим.

Им как раз принесли по тарелке лукового супа. А через пять минут еще и равиоли. Палыч заказал себе с телятиной. Даша с брокколи.

Ели быстро, с аппетитом, не расходуя время на слова. Уже когда возвращались к машине, он почесал макушку и задал вопрос:

— Скажи, в чем прикол есть тесто с какой-то зеленой начинкой?

— Вкусно, — пожала она плечами с коротким смешком. — Мне вкусно.

• *Теория вероятного чуда* •

— Вот любишь ты, Панина, всякие невозможные несовместимости. Вот и с мужиками у тебя так. По этой самой причине. Слушай! — Он неожиданно остановился и глянул на нее просветленными глазами. — А может, тебе на островах у папы с мамой аборигена поискать? Может...

— Не может. — Она полезла в машину. — Мой абориген точно где-то здесь живет. И готов стать отцом моего будущего ребенка. Просто он пока еще не знает об этом. Куда едем?

— Куда, куда! К родителям несчастной Аси. Как там ее фамилия?

Палыч уселся на водительское сиденье, завел машину, сдал назад. Ветки ивы, хлеставшие по крыше автомобиля, его не заботили от слова «совсем».

— Кириллова, — подсказала Даша. — Кириллова Ася Сергеевна. Двадцать восемь лет от роду. Два высших образования. Одно экономическое. Второе — что-то связанное с управлением.

— О как! А работала секретаршей? Почему? Так любила твоего Коленьку или стремилась занять его место? Диктуй адрес. Где вообще она жила? Кстати, а где обитал твой бывший после развода?

Даша повторила слово в слово все, что узнала от Николая.

Ася жила с родителями. Квартира в центре, двухуровневая, места на троих: маму, папу и Асю — хватало с избытком. Но после того как Николай съехал от Даши и купил себе «студию» в новостройке, Ася часто оставалась у него.

— Когда она исчезла?

— На сегодняшний день ее нигде нет уже пять дней. Телефон выключен. Полиция по месту ее регистрации вынуждена была принять заявление от родителей Аси и провела предварительную проверку. Никто из друзей и знакомых ее тоже не видел эти четыре дня. Ее вылет за границу исключен, загранпаспорт дома. Не покупался билет и на поезд. Вещи все на месте. Так что бегство исключается.

— Движение по банковской карте? — Палыч тыкал толстым пальцем в навигатор, задавая маршрут.

— Информация у меня отсутствует.

— Она ведь может отсиживаться где-то, обидевшись на своего любовника, твоего мужа. — поддел Палыч, ехидно усмехнувшись.

— Бывшего мужа. — Даша ткнул его локтем в бок.

— Обиделась и сидит в какой-нибудь съемной квартире. Еду можно и заказать. Сидит и плачет, и строит планы мести. Я бы, конечно, не волновался. Еще мало времени прошло.

— Расскажи это ее родителям. Они места себе не находят, со слов Коленьки. Ася никогда не позволяла себе подобного.

— Все всегда случается в первый раз.

Навигатор приятным женским голосом сообщил, что маршрут построен.

Они одновременно посмотрели на часы. Поняли, что с учетом обратной дороги отсутствовать на работе им придется чуть больше часа. Решили, что не смертельно, учитывая их постоянные задержки и работу в выходные дни. И поехали.

Через двадцать две минуты они притормозили у многоквартирного дома с шикарной планировкой

• *Теория вероятного чуда* •

двора. Даша благодарно посмотрела на монитор навигатора и произнесла:

— Спасибо, тетя.

Тут же перевела взгляд на Палыча, наморщила лоб и поинтересовалась:

— Вот интересно, Палыч, я одна разговариваю с навигатором или есть и еще сумасшедшие?

— Есть, — ворчливым голосом отозвался он, сверяя адрес. — Это я. Еще один сумасшедший. Именно по этой причине я здесь.

ШАБА 4

В пункте выдачи было так тихо, что Тане казалось, она слышит, как сползает по спине капля пота. Конечно, этого не могло быть в принципе, но ей хотелось так думать. И она будто слышала, как капля с легким шуршанием скользит по левой лопатке, оставляя след на коже, обильно смазанной кремом для тела.

— Безумие какое-то! — проворчала она, вставая с места.

Она знала, что ее рабочее кресло перед монитором находится под камерами. Вставать без лишней нужды нельзя. Таковы правила. Но усидеть было невозможно. Безделье ее убивало. Народу, как назло, никого. Основной клиент, в адрес которого поступил товар, занявший четыре полки на складе, должен был подойти лишь через пару часов. С ним она всегда долго возилась. Проверяли бытовую технику, дорогостоящие часы, телефон. Но одну коробку они никогда не

вскрывали. С его слов, там проверять было нечего. Оплачивал свои заказы он всегда наличными. И это была большая сумма денег. Все остальные оплачивали товар с банковских карт. Он был исключением.

Он вообще был исключительным — этот немногословный серьезный молодой человек. Высокий, светловолосый, голубоглазый, одетый всегда в строгие костюмы, странно не мнущиеся. Когда он перетаскивал коробки с заказами в машину, припаркованную у самого входа, на его костюме не появлялось ни пылинки, ни складочки. Как артист из любимого кино! Тот всегда спасал мир в костюмах и белоснежных рубашках, которые не пачкались и не выбивались из брюк.

Господи, о чем она вообще думает? От безделья действительно можно с ума сойти. Когда работала в супермаркете на кассе, мечтала об отдыхе. Сейчас бы с радостью оказалась в час пик на прежней работе. Там не уснуть!

Монитор неожиданно моргнул раз-другой и потух. Танюша рассеянно глянула по сторонам. Свет, что ли, отключили? Она встала, дошла до выключателя, пощелкала. Да, света не было. Значит, расчеты производить она не может. И камеры видеонаблюдения выключены. Надо закрываться. Таковы правила.

До входа, с колокольчиком над дверью, было всего пять шагов. Она успела сделать три, когда колокольчик бешено заметался, заходясь тревожным звоном. В пункт выдачи заказов не вошли — ввалились трое мужчин. Старые или молодые, понять было невозможно. Все в мешковатых рабочих костюмах темно-синего цвета, тяжелых рабочих ботинках, кепках из того же комплекта и больничных масках.

• *Теория вероятного чуда* •

Вспоминая потом в дежурной части этот момент, она поняла, что даже не испугалась. Ну вошли и вошли. Маски рекомендованы в связи с периодическим всплеском сезонных заболеваний.

— Извините меня, товарищи, — попыталась она остановить мужчин, вставших в ряд у ее стойки. — Я не смогу вам выдать заказ, потому что нет света. Вам придется зайти позже.

— Извини, подруга, — противным, искаженным голосом произнес один из них. — Но у нас нет времени. Открывай склад.

— Не могу, — напала вдруг на нее странная настырность. — Я не смогу провести ваш заказ. Я даже не смогу определить, который из них ваш!

— И не надо определять. Мы возьмем все! — произнес все тот же противный гнусавый голос. — Открывай склад, если не хочешь получить по своей холодной мордашке.

Он стоял ближе всех к ней, преграждая ей путь к стойке, где имелась заветная кнопка вызова полиции. Мало этого, он достал из кармана штанов самый настоящий пистолет, щелкнул в нем чем-то и приставил дуло к ее лбу.

— Открывай склад, сучка, — прошипел за него второй мужчина, стоящий за его спиной. — Быстро! Пока мозги тебе не вышибли!

Что было проку врать про отсутствие света и невозможность открыть кодовый замок? Он был не кодовый, а самый обычный, открывался ключом, что лежал у нее в верхнем ящике стола. Попытаться дотянуться до заветной кнопки, пока будет доставать ключ? Ее маневр сразу был замечен. Таня получила

удар под дых крепким кулаком, от которого у нее тут же перехватило дыхание, заслезились глаза и подогнулись колени.

Она отползла в угол за стойкой администратора, сжалась в комок, закрыла лицо руками и заскулила, наблюдая из-под пальцев, как слаженно работают мужчины в рабочей одежде, выгребая все со склада пункта выдачи заказов...

— Кто?! Скажи мне, Танюша, кто возместит все эти убытки нашим клиентам?! Ты курица, Танюша! — гневно надрывался ее начальник Василий Николаевич Луговой, размахивая руками над ее головой. — Почему ты не вызвала полицию?!

А в полиции неожиданно ее похвалили.

— Правильно сделала, что не стала играть в героя, — заполняя протокол, пробубнил капитан Соколов, который ее допрашивал. — Схлопотала бы пулю между глаз. И родителям горе, и нам морока.

— А вам почему?

Все это время она обнимала себя руками, не в силах согреться, ее колотил озноб, хотя на улице и в кабине капитана было под тридцать градусов.

— Одно дело грабеж, а другое — убийство. Отягчающие, так сказать, обстоятельства. И тебя бы, милая, не стало. И нам метаний прибавилось бы. А уж про родителей твоих и говорить нечего...

Про родителей ей и правда говорить было нечего. Спихнув ее в Москву сразу после школы на руки двоюродной тетке, они как-то мгновенно о ней забыли. И звонили раз в месяц. А когда звонила она, удивлялись: зачем?

• *Теория вероятного чуда* •

Она расплакалась от простого человеческого участия. Особенно горько после того, как капитан протянул ей коробку с носовыми платками и кружку с горячим чаем.

— Вот что, успокаивайся, Татьяна. И давай напряжем память. Может, хоть какая-то примета у одного из трех налетчиков имеется...

Никаких примет, кроме рабочей спецовки, ботинок, кепок и больничных масок. Голос кривляющийся. Скорее всего, измененный. Шепот.

— А рука, что держала пистолет? Как она выглядела? — спросил капитан, рассматривая ее тоскливым взглядом.

— Как рука в матерчатой перчатке, — двинула она носиком. — Они все были в матерчатых перчатках, таких с синими пупырышками...

После допроса и подписи в протоколе были долгие разговоры с руководством. Василий Николаевич, сменив гнев на милость, утешил ее тем, что все грузы клиентов застрахованы от естественных потерь, поэтому ей просто надо будет собрать акты с подписями всех пострадавших, отдать ему, и дело можно считать законченным.

— Не печалься, Танечка, — поглаживал он девушку по голому плечу, тем же вечером уложив ее в кровать в качестве компенсации за свои проблемы с собственным руководством. — Все будет нормально...

Он даже обещал ей автономные видеокамеры, которые не перестанут работать при отключении света. И замки на дверях склада, которые автоматически заблокируются, если выключат свет.

— С тебя акты всех пострадавших...

Она усердно работала неделю, разослала клиентам сообщения и пригласила их в пункт выдачи для оформления актов. Народ шел активно. Отнесся с пониманием. Многие ей даже сочувствовали, выслушав подробности ужасного происшествия.

— Ну, что тут у нас? — полистал акты Василий Николаевич в понедельник, ровно спустя неделю после нападения. — Все?

— Нет, не все. Есть один клиент. У него выкуп был почти всегда стопроцентный. Платил наличными. Суммы всегда внушительные.

— И?

— Он до сих пор не пришел.

— А контакты этого клиента имеются? Имеются, — понаблюдал он за ее утвердительным кивком: одним, вторым, третьим. — Так разыщи его.

— Пыталась. Телефон вне зоны. А он пострадал больше всех.

— Ой! — поморщился начальник и отмахнулся от нее. — Чем он пострадал больше других? Он же не оплатил. А если не оплатил, то...

И Луговой вдруг погрузился в размышления. Да так надолго, что Таня не слышала звука его голоса почти час.

— Слушай, у тебя ведь имеется визитка того капитана, который тебя допрашивал? — вышел он из своей комнатки спустя час к Таниному рабочему месту. — Имеется. Так вот надо позвонить ему и сообщить об этом удивительном клиенте, который не пришел написать акт об утере его товара.

• *Теория вероятного чуда* •

— Но почему? При чем тут этот клиент? — попыталась она встать на его защиту. — Может, он в отъезде... Может, узнал, что нас ограбили, и решил поменять пункт выдачи.

— Вот пускай полиция и выясняет. Что с ним такое: «может». Почему он не пришел? — Луговой подозрительно прищурился и минуту ее рассматривал. — Я не понял, ты его защищаешь, что ли?

— Нет! — воскликнула она возмущенно и поняла, что покраснела. — Просто он был нашим постоянным клиентом. И платил большие деньги за свои заказы.

— А потом ему их платить надоело. И он решил взять все даром. А заодно и все остальное, что имелось на полках склада. Товару-то там было о-го-го на сколько! Все, разговор окончен. Либо ты его находишь и он подписывает акт. Либо звони капитану.

ШАБА 5

Они с трудом пробились в подъезд, где проживали Кирилловы. Консьержка встала насмерть, выскочив из своей каморки за стеклянной перегородкой. Пальчу очень не хотелось светить удостоверение, но пришлось.

— А что случилось-то? — выдохнула консьержка, вытаращив глаза. — Они живы-здоровы. Час назад вернулись из магазина с покупками.

— Мы к ним не из-за них, а по другому вопросу, — нетерпеливо дрыгала ногой Даша. И, прежде чем женщина снова открыла рот с любопытными вопросами, добавила: — Это тайны следствия.

— Понятно, — разочарованно съежилось ее лицо, словно резиновое. — Лифт прямо и направо. Этаж знаете?

Этаж они знали. Поднялись. Замерли перед красивой металлической дверью, отделанной сверкающим хромом.

— Судя по двери, денежки в семейке водятся, — проворчал себе под нос Палыч.

— А судя по квартире, нет! — фыркнула Даша едва слышно.

— Не потому ли твой Коленька так прилип к девчонке? С тебя-то что взять, кроме ночных вызовов.

Да еще странной несовместимости, не позволяющей им размножаться. Это просто просилось с ее языка, но она промолчала. И не потому, что в замке после их звонка заворочался ключ. А потому, что дай только повод Палычу, снова оседлает своего конька. И достанется тут не только Коленьке, но и двум предыдущим ее мужьям.

— День добрый, — Палыч махнул удостоверением перед глазами испуганной женщины в длинном шелковом халате. — Мы по факту исчезновения вашей дочери.

— Она нашлась?! — взвизгнула тут же женщина. — Она жива?!

— Мы не знаем, к сожалению. Простите, — миролюбиво улыбнулся он. — Просто хотелось задать вам несколько вопросов об Асе. Чтобы, так сказать, прояснить ситуацию.

— Но нам уже задавали вопросы. — Она растерянно обернулась и громко крикнула: — Сережа, походи!

• *Теория вероятного чуда* •

Сережа возник в дверном проеме мгновенно, словно прятался за дверным косяком и ждал вызова. На нем был домашний костюм из того же шелка, что и халат его жены. Он был так же перепуган, бледен. Руки его, сжимающие дужки очков, подрагивали.

— В чем дело? — тревожным голосом спросил он, переводя взгляд с Даши на Палыча. — Какие-то новости об Асе?

— Нет. Они ничего не знают, — досадливо поморщилась женщина. — Пришли снова с вопросами.

— Нам их уже задавали, — нахмурил густые брови мужчина.

— Возникла необходимость повторить их снова, — настойчиво проговорил Палыч и занес ногу над блестящим хромированным порогом. — Так мы войдем?

Их впустили. Пригласили в столовую — и такая имелась в огромный квартире. Предложили не разуваться. Они не были против. В большой комнате, на взгляд Даши, полностью лишенной уюта из-за обилия бархата и темного дерева, их усадили в глубокие кресла. Мать Аси минут через пять вкатила столик с кофейником, чашками, сахарницей и вазочкой с клюквой в глазури. Колеса столика встали у самых носов Дашиных туфель. Она с сомнением посмотрела на клюкву. Как это можно есть вообще?

— Угощайтесь, — махнула рукой мать Аси, не сделав ни единой попытки разлить кофе по чашкам.

— Спасибо, — сдержанно поблагодарили они почти в одно слово.

— Так о чем вы хотели еще узнать? — поднял на них затравленный взгляд Сергей Сергеевич Кириллов.

— Давайте все сначала. Коллеги, конечно, провели работу. Но будет лучше, если мы все узнаем из первых уст, а не из протокола. — Палыч сграбастал тонкую ручку кофейника, налил им с Дашей кофе. — Итак... При каких обстоятельствах...

— Не было никаких обстоятельств, — оборвал его речь отец Аси. — Она ушла на работу и не вернулась.

— И на работу не дошла. То есть не доехала, — подхватила мать. — Она вышла из дома. Села в свою машину и пропала.

— Вместе с машиной? — уточнила Даша, записывая в телефон информацию.

— Да... Кажется, машину ее тоже не нашли. Мы даже по совету ваших коллег объявили ее в угон. — Сергей Сергеевич стащил с переносицы очки и на мгновение зажмурился. — Только ничего! Ни единого следа!

— По камерам ее маршрут отслеживали? — вставил Палыч. И соврал: — Нас не снабдили информацией.

— Да. Тот, кто приходил до вас, сказал, что в то утро Ася не поехала привычным маршрутом, а свернула на улицу Добролюбова, оттуда во дворы. И все... След ее затерялся.

— В машине она была одна, — утвердительно кивнула мать Аси. — На записях, которые имеются у ваших коллег, отчетливо видно, что она в машине одна.

Пока Палыч уточнял детали, о которых она уже знала от Коленьки, Даша проложила маршрут сле-

• *Теория вероятного чуда* •

дования пропавшей девушки. И нахмурилась через минуту.

Улица, куда свернула Ася на машине, располагалась совсем не по пути на работу. И от дома Коленьки это было далеко. Совсем в другом конце города. И что там ей в этих дворах?

— У нее были подруги, друзья, которые, возможно, проживали по этому адресу? — спросил Палыч, когда она ему показала экран телефона с отметками на карте.

— У Аси, конечно, были и друзья, и подруги, — немного с вызовом отозвался отец. — Но их адресов у нас нет.

— А телефоны?

— Нет, — пожал он плечами и немного ядовито скривился. — Разве вы не можете пробить номера из распечатки ее телефона?

— Можем. Но это хлопотная процедура, — ушел от прямого ответа Палыч. — Думали, вы в курсе, с кем общается ваша дочь.

— Еще бы не в курсе! — взвилась вдруг мама, приподнимая с бархатной оттоманки зад, обтянутый шелком. — Она как связалась с этим хлыщом, так все! Все у нее пошло прахом!

Нелестная характеристика в адрес Коленьки Палычу явно понравилась. Он даже покивал в такт словам матери Аси.

— Вы имеете в виду ее любовника? Он же ее начальник? — не удержалась от реплики Даша.

Лицо матери пошло красными пятнами. Отец озадаченно крякнул и сделал губы буквой «о».

— Почему любовника? Он был ее... Ее другом, любимым человеком, — оправившись от неловкости, привел в движение губы Сергей Сергеевич. — Они жили вместе.

— Потом — да. А когда он был женат? У них же давно отношения, разве нет? Любимый человек, друг, так сказать, вашей дочери долгое время был женат. И по нашим сведениям, в разводе он всего месяц.

Она понимала, что тем самым вредит себе, но не могла остановиться. Ей хотелось вредничать, говорить родителям Аси неприятные вещи. И не только им, а еще и портрету их красавицы дочери, выставленному в столовой напоказ. Словно нарочно, чтобы Даша могла сравнить себя с ней и понять, что шансов против красавицы у нее не было никаких.

— Не соблазниться Коленке было бы очень сложно, — пробурчала она, усаживаясь в машину к Палычу. — Видел ее фото?

— Видел. — Палыч поерзал глазами по ее фигуре, ногам, лицу. — Ты что, хуже, что ли? У тебя, по моему, полный комплект того же, что и у нее имеется.

— Может быть. Но у меня все как-то прозаичнее, скучнее. А там... Какая подача себя! Наверняка каблуки носила. Узкие платья. По салонам слонялась, холила себя и лелеяла. А я что?

— А ты что?

— А я с утра умылась, нырнула в форму или брюки, и на службу. А вечером мылом умылась и... Ладно, плевать. Что мы узнали в итоге?

В итоге узнали не особенно много. Услышали, что Ася была скрытным человечком и неплохой дочерью. Маме с папой не грубила, без нужды не расстраи-

• *Теория вероятного чуда* •

вала. Когда начались ее отношения с начальником (Коленькой), она долгое время не могла решиться и признаться родителям в этом. Рассказала, уже когда возникла нужда в ночевках у него.

— О том, что он был женат, мы узнали буквально недели две назад. Хотя роман их длился...

В этом месте отец задрал глаза в потолок, а у Даши остановилось сердце.

— Года два точно, — припомнил папа.

Сердце Даши упало в колени. Взгляд Палыча с презрением вопрошал: «Ну не мерзавец ли?»

— А если бы она забеременела от женатого человека? — неожиданно задала она вопрос, который ее страшно мучил. — Как бы она поступила, ваша дочь?

— Это было исключено. Ася умная девочка. К тому же ее любимый человек принимал какие-то таблетки. Он предохранялся, чтобы ее беречь.

Все! Сердца Даши не стало. Оно остановилось, умерло, как старые часы. Палыч даже взглянуть на нее боялся.

— Вот скажи, Палыч, за что я отдала почти восемь тысяч? — вытаращила она глаза еще в лифте, который вез их вниз. — Этот козел предохранялся, а они мне бумагу с мудреным текстом продали. О какой-то там несуразной несовместимости. Какое это все... Дерьмо!

Палыч спокойно выдержал, пока она легонько молотила ладонью стенку кабины лифта. Пока материлась, маршируя с ним рядом к машине. И молчал, пока она дергала ремень, чтобы пристегнуться. Но потом, когда она вдруг принялась на все лады на-

хваливать соперницу, не выдержал и сделал ей комплимент. Хотя не любил этого как никто другой.

Минут десять ехали молча. Потом она спросила:

— Зачем же она все-таки повернула туда, Палыч? Надо пробить всех ее друзей и подруг. И узнать: могла ли наша волоокая красавица изменять Коленьке? Или не изменять, а просто обманывать? И вообще: она, может, до сих пор сидит там на какой-нибудь съемной хате и потешается над его страданиями.

— Восемьдесят пять процентов, — кивнул ее старый дружище.

Он очень любил называть эту цифру, когда был в чем-то почти уверен.

— Слушай, Палыч, а давай туда съездим, а?

Она развернулась к нему, забравшись на сиденье с ногами. И смотрела умоляюще.

— Нам надо на работе быть, Панина, — строго глянул на нее подполковник Лисицын. — Если не хотим завтра жить на пособие.

Но пока они толкались в пробке, он набрал дежурного и поговорил с ним. Даша не вслушивалась, да и речь Палыча звучала невнятно. Она все это время размышляла.

Ася и Коленька дружили организмами целых два года. А она — сыщик с прекрасной раскрываемостью — жила себе спокойно и ни о чем не подзревала. Мало этого, Коленька, сволочь такая, жрал какие-то таблетки, предохраняясь от нежелательного зачатия. А от нее — своей жены — требовал ребенка.

— Мерзавец, — прошипела она.

• *Теория вероятного чуда* •

— Согласен, — отозвался Палыч, даже не спросив, о чем она, и так догадался. — В общем, руководства на месте нет. Можем смотаться на адрес, куда поехала Кириллова Ася.

Дворы как дворы. Обычные. Без намека на опасную, криминогенную обстановку. Пенсионеры на скамеечках, дети в песочницах, собачники на отведенном квадрате.

— Ну, я пошел, — полез из машины Палыч. — А ты сиди здесь.

— Чего это?

— Позвони своему мерзавцу и позадавай ему вопросы.

— Не стану, — надула она губы.

— Да не о ваших обидах вопросы стоит задавать, Даша. А о том, с кем при нем общалась чаще всего Ася. Пусть расстареется и раздобудет для нас распечатки с ее мобильного и с городского рабочего телефона тоже.

— А если он откажет в помощи?

Палыч хмыкнул, уже стоя на улице, и проговорил с холодком:

— Тогда мы тоже откажем ему в помощи.

ШАБА 6

Таня шла мимо дома номер семь. В руке у нее была зажата бумажка с адресом, который она сама записала. По этому адресу был зарегистрирован тот самый симпатичный клиент, чей заказ украли в числе многих других налетчики.

«Архипов Виктор Иванович» значилось ниже адреса в бумажке. Тридцать три года от роду. Не женат! Детей не имеет. Эту информацию ей раздобыл Луговой. И отправил на адрес для прояснения ситуации.

— Он единственный, кто не подписал акт, Танюша. А акт должен быть подписан, его заказ был почти на две сотни тысяч.

Можно подумать, она этого не знала! Она лично каждый раз оформляла его получение. Иногда раз в две недели, иногда чаще, иногда реже. Но парень все время получал оргтехнику. И однажды даже разоткровенничался с Таней и признался, что держит небольшой магазин, где торгует и телевизорами, и стереосистемами, и комплектующими к ним. И даже оказывает сервисные услуги. Жаль, что адрес магазина он не сообщил, а то бы она напрямик отправилась туда, а не к нему домой.

Как-то неприлично было соваться в дом к одинокому молодому парню. Тем более что он ей нравился. Сильно! А Луговой — чужак — даже ничего такого не заподозрил. Шлепнул ее по задку и отправил, пообещав за работу в ее законный выходной предоставить отгул. Но забыл поинтересоваться: а нужен он ей этот отгул? Луговой тут же приедет к ней и затащит ее в койку. А потом попросит его покормить. И снова в койку. Так и день пройдет. Ему — удовольствие, ей — кабала.

Но Таня благодарно улыбнулась, сказала начальнику спасибо. Сжала в кулачке бумажку с адресом, и вот она здесь — у подъезда.

• *Теория вероятного чуда* •

Он ей не открыл. Она минут пять звонила в домофон, стоя у металлической двери подъезда — тишина.

Может, спит. Может, уехал. Может, вообще здесь не живет, а просто зарегистрирован. Причин было множество. И не ее печаль в этом разбираться. И если бы не одно «но», она бы сразу повернула от подъезда и ушла на автобусную остановку, откуда притопала только что.

Но вот это проклятое «но»...

Луговой ясно дал понять, что если этот клиент не явится подписать акт, то у них будут все основания подозревать его в организации нападения на пункт выдачи заказов.

— А как еще?! — вращал он глазами, когда Таня пыталась заступиться за Архипова. — Все пришли! А его не видно и не слышно. А у него заказ...

Далее следовали цифры, которые Таня уже выучила наизусть.

Подъездная дверь открылась. На улицу вышла молодая парочка.

— Простите, — встала тут же Таня у них на пути. — Я разыскиваю одного парня, он живет в этом подъезде.

— Не меня? — глумливо улыбнулся молодой человек, за что тут же получил в бок кулаком от своей подруги.

— Нет. — Таня сделала строгое лицо и обратила свой взгляд на девушку. — Его зовут Виктор. Архипов Виктор Иванович. Квартира тридцать четыре. Третий этаж.

— О, это на нашем этаже, — девушка наморщила лоб. — Но мы квартиранты. Мало кого знаем. Как он выглядит?

Таня постаралась описать клиента, являвшегося всегда в строгих костюмах, аккуратно выглядевшего и вежливого.

— Поняла, о ком вы, — закивала девушка. — Иногда в лифте ехали вместе. Но в последнее время я его не вижу. Вам надо подняться и поговорить с соседями, кто с ним дверь в дверь живет. А от нас — это другое крыло дома. Вас впустить?

Таня энергично закивала, ее пустили в подъезд, и она пошла к лифтам.

На третьем этаже она звонила уже в его квартиру, не в домофон. История та же — ей не открыли. Она набрала его номер телефона, который он ей оставил как-то, когда его заказ задерживался и по нему не было четкой информации. Приложила ухо к двери и долго слушала. Абонент вне зоны. И в квартире звонков не было слышно. С тяжелым вздохом она перешла к двери соседней квартиры. Не открыли. И в следующей квартире тоже никого не было. А вот в квартире напротив Архиповской неожиданно обнаружился строгий мужчина пожилого возраста. Он тут же затребовал с нее документы, подтверждающие ее миссию. Их не оказалось, потребовал паспорт.

— Вы же не могли не слышать об ограблении в пункте выдачи по соседству, — укорила она его, не выпускаящего ее паспорт из рук несколько томительных минут. — Обхожу клиентов, чтобы они подписали акт об утрате заказа.

• *Теория вероятного чуда* •

— Многих обошли? — прищурился мужчина подозрительно.

— Этот последний. Если честно, то все пришли сами. Заинтересованы... А вот Виктор не пришел.

— Потому что нет его, — наконец-то он сунул ей обратно паспорт.

— Нет в городе?

— На земле нет. Помер он, — брякнул мужчина, пытаюсь закрыть дверь перед ее носом.

— Простите! — повысила она голос, удерживая дверь. — Как помер? Когда? От чего?! Он выглядел здоровым!

Она все еще не верила этому противному подозрительному дядьке. Если бы поверила, расплакалась бы точно. Потому что Архипов Виктор выглядел как мужчина ее мечты. Он не мог взять и умереть, когда у нее на него были далеко идущие тайные планы. Она же сюда шла после такой тщательной подготовки, какую перед корпоративом никогда не проводила. Потому что из мужчин там всегда был один Луговой. А он уже был ее любовником. Чего напрягаться?

— Вам надо поговорить с нашим участковым. Он сейчас как раз в своем кабинете. А тот находится в нашем доме, только не со стороны подъездов, а с обратной. Обогнете дом, увидите вывеску опорного пункта. Участковый сейчас точно там. Они-с в это время чай пьют-с, — ехидно заметил мужчина и все же захлопнул дверь.

Конечно, она могла уйти. По телефону доложить Луговому о том, что узнала. И отправиться домой, чтобы заняться делами. Но...

Но она не могла уйти, не узнав подробностей! Как? Почему? Что могло случиться с таким молодым, с виду здоровым парнем?

Таня вышла на улицу и минуту стояла, пытаясь прийти в чувство. Странная жалость давила из нее слезы. Она даже на звонок Лугового не ответила. Точно разрыдалась бы, начав рассказывать.

Она достала из сумочки пудреницу, открыла. На нее глянули расстроенные, блестящие слезой карие глаза. Она осторожно похлопала себя по щекам, пытаясь согнать бледность. Провела помадой по подрагивающим губам. Убрала все в сумочку и пошла за угол дома, где в это время в своем кабинете участковый должен был пить чай.

Вообще-то Таня ожидала увидеть пожилого прокуренного дядьку с усталым взглядом, в форме, усыпанной крошками табака. И сильно удивилась, обнаружив в кабинете молодого русоволосого парня.

— Мне нужен участковый, — произнесла она грустно. — Очень нужен.

— К вашим услугам, милая девушка, — он улыбнулся ей поверх большой фарфоровой чашки, над которой вился парок. — Входите. Чай будете?

Она кивнула, вдруг почувствовав острую необходимость в глотке горячего чая. Присела на указанный стул возле его стола, облегченно вытянув ноги. Она же еще и каблучки сдуру надела. Так хотелось произвести впечатление на Виктора.

Через минуту он подал ей точно такую же чашку. И чай в ней был ароматным и огненным.

— Итак? Зачем я вам понадобился?